атаманы и казаки, видя божию милость великую и неизреченную и заступление светилка свету, пророка и предотечи крестителя господня Иванна, им, турским людем, в том отказали и многие у них многочисленые казны не взяли.

А как в осаде седели атаманы и казаки, и они-де имели пост и моление велие и чистоту душевную, наипаче же и телесную. И мнози искусные люди во сне и вне тонца сна виде овогда жену прекрасну в баганицы, ово мужа древня власата, боса, и их, атаманов и казаков, от иноплеменников заступающа, а на поганыя помогающа. А то-де они, атаманы и казаки, многия видели явно, от образа Иванна предотечи, от суха древа течаху слезы многия, аки струя.

И всего-де они, атаманы и казаки, седели в осаде в Азове, 149-го году, месяца июня, 24 числа, да по 150-й год, месяца сентября по 26 день. И тово же числа, в ночи, [в] их, турских и крымских безбожных агарян и всяких поганых людей, не знающих бога, вниде ужас в кости, а трепет в закостенные их души; за четыре часа до свету возмутись побежали, и никим же гонимы, с вечным позором, и пошли в катарги их конные люди. И в те поры на них охочие атаманы и казаки ходили за ними из Азова в погоню, и у них, поганых людей, отбили многие люди и лошади.

А все-де языцы, которых они имали в Азов, сказывали им, что побито под Азовым на приступех и на выласках и подкопами турских и всяких людей больши девяносто тысяч человек. А их-де, атаманов и казаков, в осаде седело толька пять тысяч триста шестьдесят семь человек, а побито их, казаков, три тысячи человек, опроче того, что осталось, и те все переранены.

Дельная кильчан братьев Андреевых[1]

(По рукописи 1648 г., № 6)

Се аз, Левонтей да Михайло да Еремей Андреевы дети, Килецкия волости мезенцы, поделилисе есми промеж собою хлебо[м] и солью, долгом и свободою, медным и железным и серебряным, и платьем и скотом, коньми и коровами и овцами, животом и всем житейским запасом поровну, на три жеребья, дворами и поддворными землями и деревнями, горнею землею, орамою и луговою — поженскою, сенными покосы с заимищи и заполоски, с путики и с лопечники и что к тем деревням и истарь прилегло, чем отец наш владел, и что мы вново нажили по купчим и по менным и по закладным, по всем письмянным крепостям, всем натрое поровну.

А Левонть[ю] с жеребью досталисе бревна новые избные и все, сколько вывезено сее осени сто пятьдесят первого году, да сто тесниц, что взят по записе на Агее Лыбашеве, и тот тес на новую избу, да ржи дватцеть мер. А двор ему, Левонтью, ставить по нижную сторону Софонкова двора на купленую землю самому своею силою. А нас, Михайла да Еремея, к дворовой поделки не притягивать. А не поставит по записе тесу Лыбашев, ино нам трем братам вытесать сто тесниц на ево, Левонтьеву, новую избу.

А Михайлу с жеребью досталась большая изба с поля, да к той избе полдвора и с подворною землею и со всеми хоромы, что в том полудворе, а без наддаче.

А Еремею с жеребью досталась ме[нь]шая изба, горосная, да полдвора и с подворною землею и со всеми хоромы, что есть в том полудворе, з горосную сторону. Да Еремею же ржи четыре меры наддачей.

И нам, Михайлу да Еремею, из нового Левонтьева лесу от всего того избного и клетного и хлевного, и заплотного не имать ничего.

А мне, Левонтью, у них от старого двора и от хором [и] от всего не относить ничего.

Да нам, двум братам, Михайлу да Еремею друг другу выходы зимные и летные давать, не запирать и не теснить. А только вылягут на Левонтьево новое дворовое место, на поддворную землю, пути купчие или закладные, или менные, и нам,

[1] Публикуется по упрощенной орфографии.